

НОВАЯ НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ ОБ ИДИОСТИЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА

(Леденева В. В. Слово Лескова: монография / В. В. Леденева. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.)

Б. С. Дыханова, С. И. Добрава

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется монография профессора В. В. Леденевой «Слово Лескова», явившаяся результатом исследования эпистолярного наследия писателя последнего периода его творческой деятельности как целостного сверхтекста, по-своему характеризующего языковую личность адресанта и его мировосприятие.

Ключевые слова: слово Лескова, эпистолярный, идиостиль, авторская рефлексия.

Abstract: the article analyzes Professor Ledenyeva's the monograph «Leskov's Word», exploring the writer's heritage of the latest period of his creativity presenting a supertext. This supertext has its own ways of featuring the addresser's linguistic identity and their world perception.

Key-words: Leskov's word, individual style, author's reflection.

Новая публикация известного филолога, исследователя лесковского идиостиля В. В. Леденевой объединяет и итожит многолетние исследования автора, рассматривающего слово Лескова как «реализованную единицу идиолекта» – конкретный лексико-семантический вариант, не только представляющий фрагмент картины окружающей реальности, но и являющийся транслятором авторской рефлексии.

Актуальность и новизна научного труда определяются означенным ракурсом, позволяющим обнаружить в лесковском идиостиле широкий круг всевозможных ассоциаций, следы культурной памяти, наличие пресуппозиций – все то, что до поры оставалось за пределами научного восприятия лесковского эпистолярия. Не последнюю роль в успешной реализации поставленных автором монографии целей играет выбор материала исследования, обращение к эпистолярному наследию писателя последнего периода его творческой деятельности как к целостному сверхтексту, по-своему характеризующему языковую личность адресанта и его мировосприятие.

Эпистолярный – жанр, отличный от художественной прозы: коммуникативные цели письма, фактографическая основа, особенности личности адресанта и его мировидения, учитываемые адресантом, во многом определяют специфику словесных комбинаций и ментальных проявлений языковой личности последнего. Результаты исследования, опирающегося на комплексную методику анализа, диахронный и синхронный подходы к изучению материала, лингвистические наблюдения и описание, лексико-

графический, стилистический, сравнительно-сопоставительный, интегральный методы, статистический подсчет и т. д., предопределяют научную обоснованность выводов исследователя, их достоверность и значительно обогащают теорию лесковского идиостиля, по-своему выявляют базовые основы и уникальную самобытность Лескова.

Общая концепция рецензируемого труда осуществляется в его композиции и в логических сцеплениях частей, в содержании и последовательности рассмотрения сопрягаемых между собой конкретных единиц узуса и в совокупности репрезентантов концептосферы лесковского идиостиля. Так, в первой главе «Н. С. Лесков – писатель поистине русский» отобранные для аналитического освоения лексические единицы – *Россия, русский, язык, слово* – выступают как идеологемы, подтверждающие глубокую связь писательского кредо с народным мировосприятием и в то же время демонстрирующие базовые компоненты современной Лескову общественной жизни в разных ракурсах и их ценностном содержании.

Контекстуальные связи в рамках реконструированного сверхтекста, способствующие возникновению новых коннотативных смыслов, высвечивают подчас неожиданные нюансы, которые свидетельствуют о могучей творческой силе и неординарности языковой личности писателя, спонтанно проявляясь во внехудожественной плоскости письма.

Укорененность лесковского слова в национальном языке улавливается исследователем в особенностях авторской интенции, в богатстве смысловых оттенков, в связях с контекстом, определяемых острым ощущением Лесковым роли взаимодействия слов в тексте. Тонкий и точный анализ лексемы язык,

предпринятый В. В. Леденевой, выявляет особенности лесковского словоупотребления в связи со специфическим отношением писателя к социуму. «Люди – предмет его писательских и человеческих интересов, – замечает исследователь, – особое «измерение», которое подвергалось исследованию и описывалось. И потому наиболее часто использовано слово *язык* в связи с трансляцией идеи коммуникации, в том числе творческой, а также при упоминании способностей человека к общению с помощью речи» (с. 29).

Попытка обрисовать портрет лексической единицы русского языка – *слова* – в идиолексиконе Лескова приводит к существенным выводам об особенностях лесковского восприятия национального языка, когда слово адресата функционирует как «активный и равнодушный спутник человека», «приобретает статус артефакта» в виду его «творимости» и ценится «за способность дать поддержку, принести разъяснение, примирить, помочь утвердиться в мысли» (с. 38), для адресанта характерно «представление о необезличенности *слова*, его предназначенности человеку, людям» (с. 39).

Эти наблюдения и основанные на них умозаключения позволяют автору монографии выявить еще одно звено в социальном пространстве эпистолярных текстов Лескова. Зарегистрированное в 74 употреблениях слово *человек*, по словам В. В. Леденевой, отчетливо репрезентируется в его отношении к обществу, оставаясь в этом аспекте предметом пристального внимания писателя на протяжении всей его творческой жизни.

Особенности видения человека в письмах Лескова раскрываются, как демонстрирует исследователь, в разных лексических и синтаксических ипостасях и в самом соотношении понятий «человек» – «люди», «я» – «люди».

Уникальная способность Лескова-художника к формированию писательского языка на основе вхождения в «плоть» национального мышления, благодаря аналитическому освоению лесковского идиостиля в эпистолярном жанре писателя, оказывается отличительной чертой стилистики Лескова-публициста: в письмах адресанта отчетливо проявляется та же органическая общность с русским миром, соотечественниками, современным социумом, что и в прозе писателя. Об этом наглядно свидетельствует вторая глава монографии «Вехи ментального и духовного пространства эпистолярных текстов Н. С. Лескова».

В скрупулезном анализе конгломерата лексем, воплощающих воззрения адресанта на разные религиозные системы, отношение к вере и церкви, ментальным и духовно-нравственным категориям («добро», «долг», «совесть», «честь», «свобода»), высвечиваются неожиданные факты: например, низкая частотность словоупотребления лексем с корнем

бог- и «осердеченное», очень субъективное отношение Лескова-христианина к содержанию и смыслу бытия, к жизни и смерти свидетельствуют о нешаблонности, глубине и самобытности воззрений писателя на сущность божественной воли, по Лескову, ограничивающей возможности человека в постижении таинства бытия.

В свете этих фактов Лесков «предстает ратующим за *живую* веру как добро для человека, прилагающим силы к самопознанию и самосовершенствованию. *Бог*, по Н. С. Лескову, должен быть рядом с человеком, и постоянное обращение к этому имени (благодаря использованию фразеологизмов), столь характерное для русской разговорно-бытовой речи, – заключает автор монографии, – оказывается органично присущим идиостилю писателя» (с. 57).

Работая с лесковскими письмами, В. В. Леденева не просто констатирует наличие тех или иных фактов и реконструирует их собственный смысл, но предлагает новые версии наблюдаемых языковых явлений. Так, на наш взгляд, исключительно плодотворным является анализ объединенных в один смысловой ряд лексемы *вера* с однокоренными словами *ересь*, *еретик* и *ересиарх*, в общепринятом понимании противоположными по значению и восходящими к шуточной подписи Лескова – «Ваш смиренный ересиарх Николай» (А. С. Суворину) и «Смиренный Николай-ересиарх» (А. Н. Пешковой-Толиверовой). В поисках ответа на вопрос, ощущал ли сам Лесков, что «размышления, «борения», его поиски «попов великих» могут быть названы «ересью» (с. 64), В. В. Леденева, обращаясь к лингвистическому плану, анализирует возникающие в контексте коннотации указанных лексем, их реализованные в текстах писем лексико-семантические варианты и приходит к обоснованному выводу о том, что для писателя *ересь* выступает как «проявление чьей-либо позиции, отстаиваемой в качестве «своей правды» (с. 67), а значит, находится в том же концептуальном поле, что и, казалось бы, противоположные понятия «вера, Бог», воплощая позитивную идею духовного поиска, неочевидную в содержании смыслового объема понятия «ересь».

Столь же точно и тонко интерпретируется исследователем и лесковская подпись «смиренный ересиарх», которая представляет собой словосочетание оксюморонного типа, отражающее тонкую игру смыслов. Контекстуальное окружение характеризуется оценочным употреблением единиц предикатной лексики (духовный, свободомысленный, умный христианин и др.), религиозно-нравственной мотивацией – «ради искания веры Христовой», указывающее на тип интенции. Выявляемая В. В. Леденевой самобытность понимания Лесковым *русского еретика* как христианина, заботящегося о душе своей, проясняет, казалось бы, вдоль и поперек из-

ученную проблему сущности художественных образов лесковских праведников, непохожих на канонические житейские образы, обретающих истину не в отвлеченном умствовании, а в непосредственном житейском опыте греховного повседневного быта.

Но, кроме всего прочего, «смиранный ересиарх» дает основания для постановки исследователем продуктивных вопросов: «чем укрощен, что в себе признал проявлением гордыни, с чем примирился так отрекомендовавший себя адресант» (с. 74). Учитывая тонкую игру смыслов в оксюмороны и словарные значения слов *смирение* и *ересь*, В. В. Леденева уточняет мировоззренческие постулаты жизненного и творческого кредо «волшебника слова», особенности его религиозных и нравственных воззрений.

Новые повороты исследовательской мысли демонстрирует третья глава «Творческая деятельность в оценке словом Н. С. Лескова», в которой первичным материалом анализа становится, как и в предыдущих частях, слово, употребляемое в эпистолярном контексте. Слова, терминологически обозначающие писательскую деятельность (*писатель*, *читатель*, *творческий труд (работа)*), в идиолекте писателя оказываются связаны со спецификой его *писания* с тщательной отделкой творений, с теми требованиями, которые художник предъявлял к своей «работе». Автор монографии подтверждает выводы разносторонним рассмотрением указанных лексем, выявляя приоритеты в выборе средств характеристики, ассоциативные планы и т. п. Высвечивая в многоаспектном анализе такие ракурсы, как представление адресанта о сущности писательского труда, обратных связях между писательством и его «потребителем» – читателем, читательским восприятием собственных творений, требования, предъявляемые создателем к своей *работе*, автор монографии существенно обогащает современные представления о специфике лесковского профессионализма.

Так, резюмирует свои наблюдения исследователь, *писательство* в эпистолярной Лескова сопрягается со словом *писание* как особая номинация творческого труда, подчеркивающая его процессуальность, как занятие, осуществляемое в определенных формах. А «конкорданс слова *писатель*, – замечает В. В. Леденева, – позволяет судить о ценности для Н. С. Лескова дела литератора, о некоторых качествах личности, называемой этим агентивом, которые он считал атрибутом писательского знания, о реалистической, критической оценке коллег, т. е. о прагматике данной единицы идиолекта» (с. 127).

Что же касается лексемы *читатель*, то исследование показало, как именно адресант представляет себе его обобщенный «портрет», лишенный индивидуальных признаков, но обязательно «освоенный сочинениями автора», опубликованными ранее.

Особый аспект анализа «Лесков – читатель Лескова» позволяет установить специфику еще одной ипостаси творца – критика и редактора собственных творений, о чем еще никто не писал.

Семантическая окраска слова *художник* в письмах Лескова, выявляемая анализом соответствующего словоупотребления, в определенной мере проясняет специфику образов художников (*артистов*) в произведениях Лескова, в частности, то обстоятельство, что не только изографы, живописцы, люди искусства, но и бытовые фигуры (парикмахер, штопальщик, торговка кружевом) входят в разряд одаренных талантом и творческими способностями, высокой мерой проявления таланта, в чем бы тот ни воплощался.

Поведение, жизнь слов в сверхтексте адресанта – в центре внимания исследователя в четвертой главе монографии «Сила коннотации, или жизнь слов в контекстах Н. С. Лескова», в новом ракурсе отсылающей к стержневой задаче выяснения особенностей языковой личности автора. Сопрягая полисемант «ангел», его первичные значения с эвфемистическим, ассоциативным смыслом лесковского контекста, автор монографии углубляет научные представления о языковых «фокусах» писателя, игре слов и игре словом, о способах интимизации текста и системе ориентиров в поле доверительного общения с адресатами.

Здесь в очередной раз демонстрируется исключительная способность Лескова-стилиста к использованию семантического потенциала слова, включающего не только память предшествующих употреблений, но и его связь с реалиями современной писателю жизни: *ангел – голубой – небесный – жанрдарм – падший*.

Акцентируя составляющие понятие «семья» лексические единицы (родители, мать, отец), исследователь, следуя логике писательской интенции, выходит к экзистенциальному плану взаимодействия идиолектов с сакральными смыслами (Бог, создатель, Творец, жизнь, смерть), что позволяет соединить все понятия в единый смысловой комплекс. «Жизнь для русского менталитета имеет высокую ценность как дар Отца Небесного, – заключает В. В. Леденева. – Слова *мать, отец, родители* – единицы ЛСГ «Семья», которые квалифицируют человека по отношениям родства, – имеют ценностный компонент и в контекстах Н. С. Лескова демонстрируют его в актуальных коннотативных значениях» (с. 165). Насколько важны эти умозаключения для понимания Лескова-художника, может свидетельствовать один из прозаических шедевров писателя – рассказ «Грабеж», где семейные связи не только охватывают кровных родственников, но и распространяются на отношения, включающие «своих» – и орловских, и елецких, и вообще все социальные слои снизу доверху.

В заключительной пятой главе монографии «Ономастическая составляющая идиолекта Н. С. Лескова» центром внимания исследователя становятся значимые для адресанта и прецедентные для русской культуры имена собственные. В связи с этим анализируются функции антропонимов *Пушкин, Лермонтов, Фет*, оценочные предикаты, ставшие прозвищами. И здесь мы обнаруживаем свежесть взгляда и результативность подхода автора монографии, существенно обогащающего представления об отношении Лескова к гениальным творцам: в наблюдениях над функционированием указанных имен обнаруживается множество фактов для характеристики лесковских прагматических установок и авторских интенций. Цитаты, крылатые слова, обобщающие имена, реминисценции свидетельствуют о тонкой связи пушкинского слова в его образном наполнении с менталитетом и художественным сознанием Лескова, а тютчевские строки, органично «вплавленные» писателем в контекст, часто служат косвенной характеристикой внутреннего мира собственных персонажей.

Не менее интересны наблюдения и выводы относительно духовной близости Лескову Лермонтова. Диалог Лескова с любимым поэтом основывается на общности социальных ожиданий и нравственных оценок, взглядов на собственное и новое поколения,

на ожидании пришествия свежих, здоровых общественных сил.

Неточное цитирование общеизвестных строк Фета, свободное обращение Лескова с его текстом оценивается исследователем как проявление важных интенций, проявляющихся в качестве констант идиостиля, конкретных прагматических установок, выявляемых в контексте, в коннотациях, ассоциациях в связи с фоновыми знаниями писателя о творческой биографии Фета и его творческим кредо с главенствующими концептами «красота» и «любовь» (с. 230).

Подытоживая сказанное, В. В. Леденева возвращается к языковому новаторству Лескова, присущему не только его художественным и публицистическим, но и эпистолярным текстам, столь же располагающим к диалогу и соразмышлению, а сформулированные в каждом разделе монографии теоретические положения инициируют продолжение предпринятой автором работы, в одинаковой мере полезной и лингвистам, и литературоведам, изучающим словесные формы, жанры русской словесности и конкретные смыслы, в них заключенные, пробуждающим заложенную в них таинственную энергию, пытающимся раскрыть содержательную сущность словесных формул. За что наша благодарность автору научного труда.

Воронежский государственный педагогический университет

Дыханова Б. С., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: vspihist@rambler.ru

Доброва С. И., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: vspihist@rambler.ru

Voronezh State Pedagogical University

Dykanova B. S., Doctor of Philology, Professor of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department

E-mail: vspihist@rambler.ru

Dobrova S. I., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department

E-mail: vspihist@rambler.ru